

Лорен Оливер
Прядильщики. Магические приключения
девочки Лизы и ее брата Патрика

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6447545

Прядильщики. Магические приключения девочки Лизы и ее брата Патрика: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-68156-3

Аннотация

Когда брат Лизы, Патрик, за одну ночь совершенно изменился, девочка точно знала, что произошло – душу мальчика похитили прядильщики, пауки, обладающие волшебной силой. Лиза знала также и то, что только она одна может спасти брата. Чтобы выручить Патрика, девочке придется отправиться Вниз, под землю, вооружившись лишь своей смекалкой и... щеткой. Там перед ней откроется огромный мир, населенный говорящими крысами, кротами, жадными троглодами и чувствительными светлячками. Лизе предстоит пойти в атаку на гнезда прядильщиков, сразиться с их королевой и спасти не только душу брата, но и свою собственную.

Лорен Оливер рассказала добрую захватывающую историю о преданности, любви и всепобеждающей надежде.

Бестселлерами Лорен Оливер зачитываются дети всего мира!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лорен Оливер

Прядильщики

Магические приключения девочки Лизы и ее брата Патрика

Глава 1

Подмена и слова из кукурузных хлопьев

Однажды вечером, когда Лиза ложилась спать, Патрик был все еще пухленьким, кругленьким похитителем конфет и обожателем сладких булочек, который одновременно раздражал и умилял ее. А на следующее утро, когда она проснулась, прежнего Патрика уже не было, ее брат стал совершенно, совершенно другим.

Она не могла описать точно, в чем разница. Внешне Патрик выглядел таким же, одетым в ту же пижаму с похожими на крыс злобными пришельцами, из дырки на одном красном носке – левом – все так же высывался кончик толстого пальца, и даже по лестнице он спустился, как настоящий Патрик, на попе, подсакивая на каждой ступеньке – бум, бум, бум.

И все же он стал другим.

Не просто другим, а совсем-совсем другим.

Это чувствовалось в том, как он смотрел на нее, это таилось где-то в глубине его глаз, потерявших весь свой былой блеск. Он тихо – слишком тихо! – подошел к столу, чинно уселся на свой стул, положил на колени салфетку.

Салфетку! Настоящий Патрик никогда не пользовался салфеткой.

Никто, кроме Лизы, перемен в Патрике не заметил. Миссис Эльстон, Лизина мама, продолжала разбираться в куче лежавших на кухонном столе счетов, время от времени издавая грустные вздохи. Отец Лизы по-прежнему то входил на кухню, то выходил из нее – с незавязанным галстуком на шее и в одном носке, расстроено бормоча что-то себе под нос.

Поддельный Патрик взял свою ложку и окинул Лизу взглядом, от которого у нее все внутри похолодело.

Затем ненастоящий Патрик принялся за свои, сделанные в виде букв, кукурузные хлопья. Он выуживал одну за другой нужные ему буковки и выкладывал их вдоль края своей тарелки.

У Лизы упало сердце. В этот момент она поняла, что именно случилось, поняла так же точно, как то, что небо находится у нас над головой и что, если как следует раскрутиться на месте, а затем резко остановиться, весь мир по инерции еще раз повернется вокруг тебя.

Душу Патрика похитили прядильщики. И оставили вместо него вот этого Не-Ее-Младшего-Брата.

– Мам, – сказала Лиза, а когда мать не откликнулась, еще громче повторила: – Мам!

– Мммм? – подпрыгнула на своем стуле миссис Эльстон и мельком взглянула на Лизу, а затем вернулась к изучению Инструкции по сборке кофейного столика – того самого, который она собиралась вернуть в магазин, потому что не понимала, как привинтить к нему ножки.

– Патрик какой-то странный, – произнесла Лиза.

Миссис Эльстон окинула дочь невидящим взглядом, затем неожиданно отвернулась и крикнула мужу:

– Ты когда-нибудь оплатишь счет за электричество?

Мистер Эльстон ответил так, словно не слышал жену.

– Ты не видела мои очки? – спросил он, поднимая вазу с фруктами и заглядывая под нее.

– Они у тебя на голове.

– Не эти очки. Те, что для чтения.

– Они пишут, что это их последнее предупреждение, – вздохнула миссис Эльстон. – Я уж и не вспомню, когда было первое. Мы действительно не оплатили счет за электричество? Готова поклясться...

– Я не могу пойти на работу без очков! – воскликнул мистер Эльстон. Он открыл холодильник, посмотрел в него, захлопнул дверцу и вновь выбежал из комнаты.

А Патрик тем временем закончил переключать выловленные из тарелки буквы. Из них он составил три слова: «Я ненавижу тебя». Затем Патрик сложил на груди руки и окинул сестру странным пустым взглядом – Лизе показалось, что его глаза потеряли свой прежний цвет и целиком стали черными.

Лиза вновь внутренне сжалась. Она соскользнула со своего стула и подошла к матери. Потянула за рукав ее ночной рубашки с маленьким пятном от кофе возле локтя.

– Мама.

– Да, принцесса? – рассеянно спросила миссис Эльстон.

– Меня беспокоит Патрик.

– Патрик, – произнесла миссис Эльстон, не поднимая головы от своей записной книжки, покрытой рядами цифр, – не надоедай сестре.

Как в таком случае поступил бы настоящий Патрик? Показал бы Лизе язык, швырнул в нее салфеткой или, по крайней мере, сказал: «Она сама мне надоела».

Но этот самозванец ничего подобного не сделал, он просто тихо устался на Лизу и улыбнулся. Его зубы показались ей какими-то слишком белыми.

– Мам, – настойчиво повторила Лиза. Миссис Эльстон вздохнула и отшвырнула в сторону карандаш с такой силой, что тот сломался.

– Прошу тебя, Лиза, – проговорила мать с плохо скрываемым раздражением. – Ты разве не видишь, что я занята? Почему бы тебе не пойти на улицу и не поиграть немного?

Лиза знала, что когда у мамы такое настроение, с ней лучше не спорить. И она пошла на улицу. Утро выдалось пасмурным и жарким – слишком жарким для конца апреля. Лиза надеялась увидеть кого-нибудь из соседей, вышедших из дома по своим делам – полить траву, например, или прогуляться с собакой, – но вокруг никого не наблюдалось, странные у них были соседи. Большинство из них Лиза даже не знала по именам, разве только миссис Костенблатт, лицо которой от старости стало походить на сморщенную сливу.

Сегодня, как почти всегда, миссис Костенблатт сидела на своей террасе в кресле-качалке и обмахивалась, словно веером, рекламой китайского ресторанчика – такие рекламы каждое утро таинственным образом оказывались у дверей всех домов.

– Привет, – сказала она, увидев Лизу, и махнула ей рукой.

– Здравствуйте, – ответила Лиза. Ей нравилась миссис Костенблатт, хотя та только покачивалась в своем кресле и даже никуда не выходила – что может быть интересного в таком человеке?

– Хочешь стаканчик лимонада? – спросила миссис Костенблатт. – И печенья.

Такое предложение она делала каждый раз, заведя Лизу, только зимой вместо лимонада была чашечка горячего какао. Печенье оставалось в ее репертуаре всегда. Миссис Костенблатт качалась в своем кресле круглый год, даже зимой, укутавшись в одеяла и шарфы, от чего становилась похожей на перегруженную вешалку.

– В другой раз, спасибо, – с сожалением, как всегда, ответила Лиза. Ей было строго-настрого запрещено брать еду и питье у всех, кто не является членом их семьи. Лизе часто хотелось, чтобы это правило действовало наоборот – она с удовольствием поменяла бы печенье миссис Костенблатт на ужасную запеканку из тунца, которой ее угощала тетушка Вирджиния.

Лиза подумала, не рассказать ли миссис Костенблатт о том, что случилось с Патриком, но решила, что лучше этого не делать. Две недели тому назад на школьной перемене Лиза попыталась рассказать о прядильщиках своим одноклассницам, Кристине Миллисент и Эмме Вонг, но те подняли ее на смех и обозвали лгуньей. Конечно, в отличие от них, миссис Костенблатт слушала всегда внимательно – отчасти потому, что была туга на ухо, – но Лиза решила не рисковать.

Больше, чем врунов, Лиза ненавидела только одно – когда ее саму называли лгуньей.

В углу их двора была аккуратно сложенная кучка сосновых шишек. Лиза сама только вчера уложила их таким образом, рассчитывая на то, что они с Патриком сегодня поиграют в Шишечный боулинг. Но с ненастоящим Патриком она, разумеется, играть не станет, он наверняка найдет способ мошенничать.

Лизе вдруг страстно, до слез захотелось увидеть Анну, их бывшую приходящую няню. Уж с ней-то они обязательно сыграли бы в Шишечный боулинг! Если честно, то именно Анна его и придумала.

Прошлой осенью Анна поступила в колледж, а это значит, что работать приходящей няней она больше не может, и вместо нее у Лизы и Патрика появилась Мэнди, которая постоянно чавкала жевательной резинкой и не любила играть в игры; на самом деле она любила только одно – болтать по мобильнику. Во время рождественских каникул Анна несколько раз приходила к ним, но сейчас, на весенние каникулы, укатила куда-то со своими друзьями. Она даже прислала Лизе и Патрику открытку, но та оказалась подмоченной – очевидно, Анна писала ее на пляже, – буквы расплылись, и прочитать то, что там было написано, они так и не сумели.

Кроме той пляжной открытки, Анна прислала им два письма из колледжа и майку с рычащим медведем – в письме она объяснила, что медведь считается талисманом их колледжа.

Патрик расхныкался как маленький, когда оказалось, что майка по размеру подходит не ему, а Лизе. Кончилось тем, что он выпросил майку на время и, конечно, тут же запачкал ее кетчупом. После этого Лиза целый день не разговаривала с братом.

Лиза понимала, что это глупо, но иногда не могла не пофантазировать о том, что Анна однажды придет и раскроет им большую тайну, и тогда окажется, что Лиза и Патрик – ее сестра и брат, что судьба каким-то образом разлучила их еще в детстве и разбросала по разным семьям.

На этом месте фантазии Лизы становились совсем уже странными и заканчивались тем, что все троем они отправятся в дальнейшее путешествие, на поиски странных существ, о которых им часто рассказывала Анна, например гномов и нимфид (прекрасных на вид, но очень злых).

Лиза вздохнула. Анна знала и о том, что делать с прядильщиками. В конце концов, именно она первой рассказала о них Лизе и Патрику. Она первой предупредила их об этих странных существах и объяснила, как от них защититься.

Лиза посмотрела, нет ли во дворе гномов, но никого не увидела. Всего лишь на прошлой неделе Патрик – настоящий Патрик – заметил одного из них, бегущего в заросли кустов.

– Смотри, Лиза! – закричал тогда Патрик, и она успела обернуться вовремя, чтобы увидеть коричневую шкурку, потрескавшуюся и потертую, словно старый кошелек.

Подумав, Лиза решила, что сегодня для гномов слишком жарко. Анна говорила, что они предпочитают места с умеренным или прохладным климатом.

Лиза прижалась лицом к маленькой ели, которая росла возле купальни для птиц, и глубоко вдохнула. Девочка находила, что волшебные вещи легче рассмотреть сквозь еловые веточки. Острые еловые иголки впились в лицо Лизы, а она стояла и внимательно всматривалась в слои зелени. Когда смотришь на мир сквозь еловые ветки, начинаешь видеть только самое существенное – яркую зелень травы, сверкающую на лепестках росу, махнувшего своим хвостиком кролика, крадущуюся по веткам дерева белку – одним словом, те чудеса, которых никто не замечает в повседневной жизни.

И конечно, только глядя сквозь дерево, ты можешь загадать желание, которое непременно сбудется, – этому их тоже научила Анна.

Лиза тихо прошептала в колючие ветки свое желание.

Мы не станем повторять его – каждый знает, что, если произнести желание вслух, оно ни за что не сбудется. Скажем лишь, что загаданное Лизой желание имело прямое отношение к Патрику.

За своей спиной Лиза слышала шаги. Она обернулась и увидела Патрика-Не-Патрика. Он сошел с крыльца и приближался к Лизе.

Лиза глубоко вдохнула, набралась храбрости и выпалила:

– Ты не мой брат.

Не-Патрик посмотрел на нее своими пустыми голубыми глазами и спокойно ответил:

– Брат.

– Нет.

– Да.

– Докажи, – сказала Лиза, сложила на груди руки и стала придумывать вопрос, на который мог бы ответить только настоящий Патрик. Помолчав немного, она произнесла:

– Когда мы в дождливый день играем в прятки, где ты чаще всего прячешься?

– В дыре за книжным шкафом в подвале, – не задумываясь, ответил Патрик. – Там еще всегда пахнет землей и сыростью.

Лиза была разочарована. Ответ оказался правильным, этот Патрик-Не-Патрик оказался умнее, чем она думала, умнее, пожалуй, чем настоящий Патрик. Впрочем, назвать настоящего Патрика умным у Лизы вообще язык бы не повернулся. Подумать только, на прошлой неделе он решил устроить в подвале бассейн и, чтобы наполнить его водой, открыл в доме все краны. Вот глупость-то! Наверное, для этого самозванца нужно придумать вопрос посложнее.

– А что ты должен сделать каждый вечер перед сном? – спросила Лиза, глядя на Не-Патрика прищуренными глазами. Интересно, сойдет его такой трудный вопрос с толку или нет?

Но Лже-Патрик ничуть не смутился и сразу же перекрестил себе сердце.

– Ты должен начертить на себе большой крест и громко сказать: «Щетка, щетка, вымети паутину из моей комнаты и моего сна».

Лиза была потрясена. Она была уверена, что ее вопрос окажется не по зубам Лже-Патрику, но он ответил абсолютно правильно и сейчас торжествующе смотрел на сестру. Когда Анна впервые рассказала им о прядильщиках, она же придумала и это заклинание, которое не даст прядильщикам подобраться к Лизе и Патрику, пока они спят. Всем известно, что больше всего на свете прядильщики боятся щетки и того, кто держит ее в своих руках. Заклинание Щетки охраняло их уже не первый год.

Патрик – настоящий Патрик – забыл, наверное, произнести это заклинание вчера, когда ложился спать. Они вечером поссорились – Патрик обвинил Лизу в краже своих любимых носков, синих, с черепахами. Что за бред! Лиза никогда в жизни не надела бы такие дурацкие

носки! В ответ сестра назвала Патрика параноиком – он не знал, что означает это слово, и потому убежал в свою спальню и громко хлопнул за собой дверь.

Он был расстроен и, возможно, из-за этого забыл произнести заклинание. А расстроила его Лиза, значит, в том, что случилось с Патриком, виновата она сама. По крайней мере, отчасти.

А без заклинания на Патрика напали прядильщики. Они спустились с потолка на своих блестящих паутинах, запустили шелковистые мягкие нити ему в ухо, и на них медленно вынули душу Патрика – так рыбак вытаскивает на своей нейлоновой леске из реки попавшую на крючок рыбу. А на место похищенной души прядильщики положили свои яйца. Саму же душу Патрика они утащили Вниз, в свое подземное логово, крепко связали ее серебряными нитями и спрятали в самый дальний и темный уголок.

На следующее утро вместо Патрика проснулась бездушная оболочка, умевшая двигаться и говорить так, как двигался и говорил настоящий Патрик.

Но пройдет время, и бездушная оболочка рассыплется, превратится в пыль, а из нее на свет вылупятся тысячи новых прядильщиков. Обезумевшие от горя родители будут думать, что их ребенка похитили, будут умолять с экранов телевизоров вернуть им его, полиция станет искать похитителей, но никого, конечно, не найдет – ведь обвинять в преступлении следовало бы прядильщиков, а кто из взрослых до этого додумается?

У Лизы от волнения перехватило дыхание.

– Вот видишь? – радостно заявил Лже-Патрик. – Я ответил на все вопросы. Я твой брат. И тут в голову Лизы пришла великолепная мысль.

– Подойди ближе, – сказала она и заставила себя стоять спокойно, хотя и ненавидела эту приближающуюся к ней картонную куклу, выдававшую себя за ее брата.

Когда Лже-Патрик подошел вплотную, Лиза внезапно бросилась щекотать его. Настоящий Патрик сразу начал бы визжать, отпихиваться и кричать: «Не надо!» Лиза любила слышать, как хохочет Патрик, когда его щекочут.

Но этот Патрик даже не шелохнулся, стоял как столб и тупо смотрел на Лизу.

– Что ты делаешь? – только и спросил он.

Лиза отскочила назад. У нее появилось такое же ощущение, какое она испытала несколько лет назад, когда слишком высоко раскачалась на качелях на заднем дворе и мир вдруг перевернулся вверх ногами. Торжество пополам со страхом. Теперь Лиза убедилась: этот Патрик был ненастоящим. Это значит, что душа настоящего Патрика лежит, обвязанная серебряными паутинами, где-то глубоко под землей, а здесь, во дворе, стоит только его оболочка, внутри которой уже созревают жуткие насекомые.

Лиза выпрямилась во весь свой рост – сто тридцать сантиметров – и гордо заявила:

– Я не боюсь.

На самом деле она обращалась не к Лже-Патрику, а к сидящим внутри него тварям и, разумеется, боялась. Очень боялась. Честно говоря, так сильно она не боялась еще никогда за всю свою жизнь.

– Я найду своего настоящего брата и верну его, – добавила Лиза.

Затем она повернулась и побежала к дому, не желая, чтобы Лже-Патрик и сидящие внутри него чудовища увидели, что она дрожит от страха.

Глава 2

Несколько обманов и одна щетка

Весь вечер Лиза старалась вспомнить, что рассказывала ей Анна о прядильщиках. Она даже собиралась спросить у матери номер телефона Анны, но в последний момент раздумала это делать. Вдруг Анна занята чем-то очень Важным и рассердится, если Лиза позвонит ей? А еще хуже, если она вообще не вспомнит, кто такая Лиза.

Вместо этого девочка взяла тетрадь и стала делать заметки – для себя самой, – которые назвала: «Все, что я знаю о Прядильщиках и их привычках».

Прядильщики не похожи на обычных пауков. У них, правда, тоже восемь лапок, но на их концах – маленькие человеческие руки. Еще у них только два глаза, тоже как у людей, но эти глаза огромные и полукруглые и способны видеть даже в полной темноте. Кроме того, хотя прядильщики обычно бывают размером с еловую шишку, они легко могут раздуваться и тогда становятся как домашняя кошка или даже еще больше. Самые большие прядильщики бывают размером с легковую машину, и у них огромный рот с сотней зубов, а каждый зуб – острый, как змеиный клык.

Лиза не знала, что прядильщики делают с похищенными ими душами. Анна клялась, что тоже не знает этого, только Лиза ей не поверила – Анна всегда бледнела, когда Лиза заводила разговор на эту тему. Лизе тогда казалось, что кто-то воткнул иголку в подбородок Анны и выкачал через нее всю краску с ее лица.

Лиза знала, что уничтожить прядильщика практически невозможно. Кажется, его нельзя убить даже щеткой.

Она не знала, можно ли вообще каким-то способом сделать это.

И это ужасно пугало ее.

В тот вечер Лиза умылась, надела пижаму и почистила зубы, стараясь при этом держаться как можно дальше от Лже-Патрика, который тщательно чистил свои зубы рядом (еще одно отличие от настоящего Патрика, который терпеть не мог чистить зубы и придумывал разные трюки, чтобы не делать этого).

Оба они – и Лиза, и Лже-Патрик – старательно делали вид, что ничего не произошло, что все нормально. Эту игру они вели по молчаливому согласию. Лиза прикидывалась, что она не в курсе того, что Патрик на самом деле не Патрик, а Патрик прикидывался самим собой и изображал, что верит тому, что Лиза принимает его за настоящего Патрика. Это была трудная игра, но, к счастью, Лиза умела играть со своим братом в самые разные игры.

– Ты расскажешь мне сказку? – спросил Лже-Патрик точь-в-точь, как сделал бы это настоящий Патрик, когда они закончили чистить зубы и поставили зубные щетки на место, рядом друг с другом. При этом Лиза тщательно проследила за тем, чтобы ее щетка ни в коем случае не прикасалась к щетке Лже-Патрика.

– Не сегодня, – ответила Лиза, стараясь говорить своим обычным тоном. Вообще-то, Лиза часто тайком приходила в комнату Патрика, чтобы рассказать ему на ночь какую-нибудь историю.

– А почему? – спросил самозванец, глядя на Лизу пустыми глазами.

Лиза все прекрасно понимала. Он пытается заманить ее в свою спальню, где ее уже будут поджидать прядильщики – сотни прядильщиков, – чтобы украсть душу, как только она прикроет глаза.

– Сегодня я очень устала, – сказала Лиза. – Может быть, завтра вечером расскажу.

– Хорошо, – пожал плечами Лже-Патрик, и его глаза сердито блеснули. – Я все равно не хочу слушать твои сказки-рассказки.

Лиза вспомнила послание, которое Лже-Патрик написал сегодня кукурузными хлопьями: «Я ненавижу тебя». Вспомнила она и про их вчерашнюю ссору, после которой настоящий Патрик забыл произнести Заклинание Щетки. Нет, что ни говори, а виновата в этом, прежде всего, она сама.

Подумать только, лишь вчера Патрик – настоящий, разумеется, – прибежал к ней, весело смеясь, держа в своих грязных пухлых ладонях маленького розового тритона (где он только поймал его?), и спросил, нельзя ли им вдвоем держать его как домашнего любимца? Вспомнив об этом, Лиза еще сильнее возненавидела прядильщиков – так сильно, что ей пришлось схватиться за край фарфоровой раковины, чтобы сдержаться.

Она дождалась, пока Лже-Патрик ушел в свою спальню и закрыл за собой дверь. Затем, не утруждая себя тем, чтобы натянуть носки, сунула ноги в свои любимые тапочки и начала осторожно спускаться в гостиную по широким, покрытым ковром ступеням. Задержалась ненадолго, услышав приглушенные голоса, доносящиеся из спальни родителей.

– Все будет хорошо, – разобрала Лиза слова отца.

– Теперь тебе потребуются новые очки, – это был уже голос матери. – А осенью Лизе нужно ставить новые брекеты. Так мы никогда не залатаем течь в подвале...

Лиза прошла через кухню в маленькую кладовку, где ее родители хранили рулоны туалетной бумаги, бутылочки с кетчупом и моющими средствами. Лизе нужно было придумать План, и она так погрузилась в размышления, что забыла о предательской скрипучей половице рядом со столиком.

Половица громко скрипнула. Девочка замерла. Ее родители замолчали, затем дверь их спальни отворилась, и в коридоре появился голубой треугольник света.

– Лиза, – раздался голос матери. – Это ты?

Лиза покорно вышла на свет, держа в руках щетку.

– Что, скажи на милость, ты здесь делаешь? – спросила миссис Эльстон. – Почему ты не в постели?

Она стояла в дверном проеме спальни, между бровей матери пролегла темная морщинка, напоминающая восклицательный знак. Этот восклицательный знак Лиза видела довольно часто и даже могла представить себе слова, которые написаны перед ним: «Лиза, прошу тебя! Хоть на секунду оставь меня в покое! Ты меня с ума сведешь!» Да, восклицательный знак стоял именно после этих слов.

За спиной матери возвышался отец Лизы с книгой, которую он держал перед собой на расстоянии вытянутой руки, потому что до сих пор не смог найти свои очки для чтения, и продолжал твердить, что не могли же они сами вот так взять и уйти.

Лиза глубоко вздохнула. Родители постоянно говорили ей, что лгать нехорошо, и потому ответила правду.

– Иду искать Патрика.

– Патрика? Что это значит? Разве он не в постели?

– В постели тот, кто выдает себя за Патрика, – пояснила Лиза. – А я иду искать настоящего Патрика.

– Прощу тебя, Лиза, – сказала миссис Эльстон, протирая глаза. – Умоляю, прекрати. Ты давно должна быть в постели. Положи щетку туда, откуда взяла, и отправляйся в свою комнату.

– Мне нужна щетка, – объяснила девочка. Ей не хотелось расстраивать свою мать, но было бы крайне неосторожно затевать поход против прядильщиков, не имея в руках хотя бы щетки, чтобы отпугивать их, а Лиза была девочкой разумной и очень практичной. – Прядильщики боятся метел. Они не подойдут ко мне, когда увидят, что я со щеткой. По крайней мере, я на это очень надеюсь.

По спине Лизы пробежал холодок. Да, она очень боялась, но тем не менее решительно сжимала в руке ручку щетки.

– Удильщики? – переспросила миссис Эльстон. Восклицательный знак между ее бровями затанцевал вверх и вниз. – О чем, позволь спросить, ты толкуешь? Какие еще удильщики?

– Не удильщики. Прядильщики, – последнее слово Лиза произнесла медленно, по слогам, чтобы мать, наконец, расслышала его. – Это такие существа, которые живут под землей. Они похитили Патрика.

Какое-то время миссис Эльстон молчала. Ее рот сжался в тонкую ниточку, и это напомнило Лизе о массе вещей – как одна, неприятных. О линованной тетради, в которой нужно писать в школе, линейках и бесконечных прямых коридорах, тоже школьных.

Затем лицо миссис Эльстон опало, словно проколотый воздушный шарик, и она утомленным тоном сказала:

– Лиза. Мы уже не раз говорили о твоих выдумках, не так ли?

Усталый тихий тон не обманул Лизу. Она знала, что за этим должно последовать, и, переминаясь с ноги на ногу, ответила:

– Д-да.

– И на чем же мы порешили?

Лиза подумала, что лучше бы мать кричала, чем говорила с ней так. В ее голосе ясно читалось: «С меня довольно».

– Мы договорились, что я не буду, – ответила Лиза.

– Не будешь что?

– Не буду выдумывать всякие глупые истории, – сказала Лиза и сглотнула. Она чувствовала себя униженной, пристыженной, уничтоженной. Она чувствовала себя как муравей, придавленный чьим-то огромным башмаком. Как ей хотелось, чтобы прямо сейчас, в эту секунду, здесь появилась Анна – влетела, распахнув дверь, с развевающимися от бега длинными светлыми волосами. Анна знает. Анна понимает.

За свою жизнь Лиза встретила только двух людей – Анну и Патрика, – которые действительно верили, что реальный мир состоит не только из кондитерских лавок и игровых площадок в парках, учебников и туалетной бумаги. Только они – и сама Лиза – знали, что в этом мире есть также гномы и прядильщики и еще масса самых разных миров и существ.

– А почему ты не должна выдумывать эти истории? – продолжала свой допрос миссис Эльстон.

– Потому что я уже большая, – ответила Лиза и снова сглотнула, перебрасывая щетку из руки в руку и воображая при этом, что катается на коньках.

– Совершенно верно, – сказала миссис Эльстон. – Иди положи на место щетку, забирайся в постель и засыпай, как все хорошие девочки. – Она повернулась к мистеру Эльстону и недовольно спросила: – А ты что молчишь, Роберт?

Мистер Эльстон оторвался, наконец, от своей книги, мельком взглянул на Лизу.

– Слушайся свою мать, Лиза, – произнес он и вновь погрузился в книгу.

Это было уже слишком. Сначала взрослые твердят детям, что лгать нельзя, а потом выходят из себя, когда те говорят им правду!

Это было... нечестно! И Лиза взорвалась:

– Но я ничего не придумала! Прядильщики действительно похитили Патрика. То, что лежит в его постели, – не он! Эта штука только выглядит похожей на него. Я говорила об этом сегодня утром, но вы не слышали меня, и я знала, что вы не захотите слушать, потому что вы никогда не слушаете. Вот почему я решила сама отправиться на поиски Патрика.

У Лизы кончилось дыхание, и она замолчала. Она понимала, что на этот раз зашла слишком далеко. До сих пор она ни разу не повышала голос на мать. Никогда.

Лицо миссис Эльстон побелело, словно его облили молоком.

– Ты не должна говорить со мной таким тоном, Лиза, – грустно сказала она.

Лиза начала чувствовать себя виноватой и попыталась заглушить это чувство, заново расшевелив в себе злость. Попыталась, но не смогла. Ей стало жалко – себя, свою мать, жаль того, что она ее огорчила. Теперь Лиза чувствовала себя провинившейся во всем и перед всеми.

– Теперь отправляйся в свою комнату, – тихо велела миссис Эльстон. – А о том, что здесь случилось, мы поговорим завтра утром.

Лиза сжала в ладони ручку щетки, повернулась и бросилась бежать вверх по лестнице.

Добежав до верха, она остановилась. Сердце у нее в груди гремело словно барабан, выбивая ритм, в котором в голове Лизы бесконечно повторялось одно и то же слово: «Нечестно, нечестно, нечестно, нечестно».

В коридоре горел только один маленький светильник, зажженный возле ванной комнаты, его свет падал на ковер бледным розовым пятном.

Лиза могла повернуть налево и спуститься через холл в свою спальню, уютно свернуться там калачиком в постели, поставив перед этим щетку у подножия кровати, и безмятежно уснуть – именно этого хотела от нее мать.

Но можно было повернуть и направо, спуститься в другом направлении, к спальне ее брата, подстеречь монстра и посмотреть, не удастся ли выяснить, что же на самом деле произошло с настоящим Патриком.

– Я не боюсь, – тихо сказала самой себе Лиза, заставляя себя повернуть направо. – Я не боюсь, – повторила она, делая один шаг, затем следующий. Ее испугало то, как быстро она оказалась у двери спальни Патрика со знакомой щегольской ручкой. Вся дверь была увешана небрежными картинками, изображающими корабли космических пришельцев и обитателей морских глубин.

«Я все еще могу вернуться, – подумала Лиза. – А на поиски настоящего Патрика отправиться завтра».

Но она знала, что завтра может быть уже слишком поздно.

Затаив дыхание, девочка взялась за дверную ручку, отворила дверь и проскользнула в темную спальню брата.

Внутри было так тихо, что было слышно, как колотится сердце в груди Лизы. Настоящий Патрик всегда громко сопел во сне и постоянно ворочался, поэтому, когда они всей семьей уезжали куда-нибудь во время летнего отпуска, Лиза с огромной неохотой соглашалась переночевать в одной кровати с братом. Он лягался во сне и постоянно тянул на себя одеяло.

А вот Лже-Патрик спал беззвучно и неподвижно, лежал, словно камень. Лиза подумала, что этого нового Патрика в самом деле можно сравнить с камнем, только хрупким. Пройдет немного времени, и этот камень рассыплется в пыль, и тогда не останется никакой надежды спасти настоящего Патрика.

Что же касается теплой, живой души Патрика, то она сейчас упрятана где-то глубоко-глубоко под землей.

Лиза знала, что у нее нет выбора. Она тоже должна отправиться вслед за душой брата под землю. Вниз.

Глава 3

Подвал

Лиза любила подвал. Днем. Здесь они с Патриком часто играли в прятки среди больших коробок, набитых старыми свитерами, пожелтевшими книгами, сломанными игрушками и другими интересными вещами. Когда шел дождь, с потолка начинала капать вода. Течь была в углу, прямо над старой покоробившейся картой – со временем вода смыла с нее некоторые города и страны, и они словно перестали существовать. Затем появлялась миссис Эльстон и, ворча и ругаясь, ставила под картой пустое ведро.

Но ночью все было иначе.

Лиза дождалась, когда ее родители улягутся спать, затем натянула на себя прямо поверх ночной пижамы рубашку с длинными рукавами и свой любимый толстый жилет. Стараясь ступать как можно тише, она пробралась на кухню, а оттуда по шершавым деревянным ступеням спустилась в подвал. Ночью все здесь казалось странным и незнакомым. Балки и коробки стали похожими на одетых в темные плащи с капюшонами людей, готовых в любую секунду подпрыгнуть и схватить тебя за руку. Лизе очень хотелось щелкнуть выключателем и зажечь в подвале свет, но тогда прядильщики сразу узнали бы о ее приходе. Лизе послышался шорох за спиной, она обернулась и схватила обеими руками щетку так, словно это была бейсбольная бита.

Сзади никого не оказалось. Лиза опустила щетку.

Шорох послышался вновь. Лиза замерла, прислушиваясь. Шорох был тихим, но различимым – кто-то скреб и царапал когтями справа от Лизы. Она сделала, шаркнув ногой, один шаг в этом направлении, затем второй. Хотя в этом подвале Лиза провела за играми немало времени, сейчас все здесь казалось другим. Подвал словно вырос в ширину и высоту, в нем появились какие-то странные извилистые проходы. Так меняется цветочный бутон, когда раскрывает свои лепестки.

Лиза больно ударилась коленкой о какой-то жесткий угол и тихо сказала в темноту: «Криль». Слово «криль» она говорила всякий раз, когда дела шли из рук вон плохо.

Лиза протянула руку, провела ладонью по предмету, который загораживал ей дорогу. Нащупала резные украшения и поняла, что это большой деревянный сундук, в котором мать хранила старые шерстяные свитера. Это помогло Лизе сориентироваться, и она – увереннее, чем раньше, – сделала несколько шагов вперед. Щетку Лиза держала перед собой и время от времени поводила ею из стороны в сторону, чтобы убедиться в том, что путь впереди чист и она не споткнется и не шлепнется на пол.

Лиза думала о том, что, если она сломает здесь себе шею и умрет, а затем Патрик – фальшивый, разумеется, – рассыплется в пыль, когда в нем созреют маленькие прядильщики, их родители горько пожалеют о том, что обвиняли свою дочь в том, что она будто бы выдумывает всякие истории. Эти мысли были довольно приятными и помогали забыть про страх. А тем временем звук царапающих обо что-то маленьких когтей с каждой секундой становился все громче.

Наконец Лиза оказалась перед узким книжным шкафом, прикрывавшим дыру в стене. В эту дыру можно было заползти, и она была самым лучшим укрытием во время игры в прятки. За шкафом царапающие и щелкающие звуки раздавались громче, чем где-либо еще.

Лиза подумала о своей теплой постели, о порядке, который царит в ее спальне, о своем уютном кресле, обитом тканью в розовую и белую полоску, о кукольном домике, в который она больше не играла, но который до сих пор любила разглядывать. Домик был белый, с остроконечной крышей, а внутри него вокруг маленького стола в гостиную сидели фигурки

матери, отца, брата и сестры с нарисованными на их лицах улыбками. А на столе стояла крошечная ваза с пластмассовыми фруктами.

А вот подвала в кукольном домике не было. Значит, не было в нем и прядильщиков.

Но кукольный домик не настоящий, и Лиза хорошо понимала это. Как мы уже говорили, она была девочкой разумной и очень практичной.

Лиза обернулась в последний раз. Подвал за ее спиной казался огромным и темным, словно утонувшим в густом тумане, сквозь который лишь угадывались размытые очертания больших предметов. Разглядеть мелкие предметы нельзя было вообще.

Лиза вновь повернула голову к книжному шкафу, осторожно положила щетку на пол у своих ног. Затем обеими руками ухватила за его угол и принялась тянуть. Ножки шкафа закричали по деревянному полу, шкаф немного поупрямился, а затем сдвинулся с места, медленно открывая спрятанную за ним дыру в стене.

Как и все предметы в подвале, дыра, казалось, выросла, стала шире. Обычно Лизе приходилось складываться пополам, чтобы втиснуться в эту дыру, когда она в ней пряталась, но и тогда ее коленки упирались в стенки дыры, а голова – в ее низкий потолок.

А сейчас вместо дыры перед Лизой открылся самый настоящий вход в пещеру – круглый, выше ее в два раза. Впереди Лиза не видела ничего, кроме пары метров неровной грязной тропинки. Дальше все тонуло во тьме. Она услышала завывание ветра – звук доносился издалека, словно этот ветер дул в километрах отсюда. Еще Лиза почувствовала странный запах – так пахнет очень старая бумага и забившаяся в водостоки грязь после весеннего дождя.

Девочка наклонилась, подобрала с пола свою щетку и шагнула в отверстие. Земля под ногами была словно прострочена бледными серебристыми нитями, они слабо пульсировали в темноте, словно наполненные странной, явно недружелюбной магической энергией. Увидев эти нити, Лиза поняла, что прядильщики точно где-то здесь, а дыра в стене – это проход, через который они проникают наружу и вновь скрываются под землей.

Сделав всего несколько шагов, Лиза оказалась в полной темноте. Воздух был холодным и влажным, он обхватил Лизу, как страшная потная рука. Запах грязи и гнили становился все сильнее и отвратительнее, а дорожка начала постепенно идти под уклон.

Лиза шла медленно, осторожно, опасаясь столкнуться с чем-то, а еще хуже – кем-то притаившимся в кромешной тьме.

Лизе казалось, что стены все сильнее начинают сжиматься вокруг нее, но это только казалось – поводя щеткой из стороны в сторону, она не чувствовала никакого сопротивления, вокруг нее был только воздух.

Затем, слева от себя, она услышала звук, который невозможно спутать ни с чем – звук царапающих когтей. Звук становился все громче и громче.

Сильнее.

Лиза замерла. Ее охватил страх, холодок пробежал по всему телу. Она так крепко вцепилась в щетку, что заломило костяшки пальцев.

Так. Теперь царапанье доносилось уже справа.

Ближе. Еще ближе.

Теперь переместилось ей за спину.

Страх накрыл Лизу с головой, словно морская волна, и она бросилась бежать. Девочка бежала вслепую сквозь тьму, спотыкаясь, и не могла даже закричать, потому что у нее перехватило горло. Все темное пространство вокруг нее заполнил звук царапающих когтей, теперь он доносился отовсюду – сверху, снизу, слева и справа. Звук царапающих когтей, быстрый топот лапок и щелкающих челюстей.

Затем Лиза налетела ногой на что-то твердое, споткнулась и, не успев даже толком испугаться еще больше, полетела куда-то вниз, в кромешную тьму.

Глава 4

Крыса

Сначала ее обхватил сильный ветер, затем она оказалась в теплом темном тумане, потом раздался страшный треск и хруст, и Лиза пролетела сквозь что-то, напоминающее плавающую в воздухе грудку сухих осенних листьев.

– Уфф!

Спустя несколько секунд она упала спиной на большой мохнатый ковер. Лиза села, ошеломленно огляделась вокруг и с радостью увидела, что ее щетка упала рядом с ней и, казалось, нисколько не пострадала при падении.

Над головой Лизы нависали темные ветки, покрытые блестящими багровыми листьями и увешанные сотнями и сотнями зажженных фонариков. Ветки тесно сплетались друг с другом, образуя что-то вроде сводчатого потолка.

В одном месте на этом потолке зияла дыра – ее пробила Лиза, когда падала. Красивые, с узорчатыми краями листья, которые Лиза сорвала при падении, до сих пор кружили в воздухе, медленно опускаясь вниз.

– Прошу прощения, – раздался прямо из-под Лизы сдавленный голос, – но мне очень неудобно. Не могли бы вы подвинуться немного?

Лиза взвизгнула и вскочила на ноги.

Мохнатый ковер, на котором она сидела, зашевелился и тоже поднялся на ноги.

Лиза ахнула. Это был вовсе не ковер.

Это была крыса.

Самая большая и самая странная крыса, какую Лизе когда-либо доводилось видеть. Обычные крысы бегают возле мусорных ящиков на четырех лапах, а эта стояла на двух задних и, поднявшись, оказалась почти одного роста с девочкой. Но это еще не все. Лиза даже потеряла глаза, не в силах поверить, что на крысе может быть макияж, но это было именно так. Узкие губы крысы были жирно обведены красной помадой. Увидев помаду, а затем и комочки черной туши над блестящими черными глазками крысы, Лиза решила, что перед ней именно Крыса, а не Крыс.

На голове Крысы виднелось что-то непонятное. Присмотревшись, Лиза поняла, что это, должно быть, парик, сделанный из кусочков и обрывков самых разных материалов – проволочек, ниток, веревочек. В парике Лиза заметила даже несколько знакомых желтых прядок – их Крыса позаимствовала с головы старой Лизиной куклы, которую звали Амелия.

Парик на голове Крысы съехал немного на сторону и напоминал криво надетую шляпу. По обе стороны узкой крысиной мордочки свисали две косички.

Но и это было еще не все. Крыса была одета! Ее плечи окутывала кружевная шаль, спускавшаяся вниз и завязанная узлом на талии. Ниже виднелась юбка – похоже, склеенная из обрывков газеты. Правда, обуви на Крысе не было, и Лиза увидела ее странные черные ноги с длинными черными когтями. У обычных крыс хвосты волочатся по земле, но эта Крыса держала свой длинный хвост переброшенным через руку наподобие дамской сумочки.

Честно говоря, Лиза вообще не слишком любила крыс (а кто их любит?), но такой страшной не встречала еще ни разу в жизни.

Крыса наклонилась и подобрала с земли маленькую бумажную шляпку – такие шапочки отец делал для Лизы, когда она была еще совсем маленькой, и они выезжали куда-нибудь на пикник.

– Вы смяли ее, – укоризненно заметила Крыса, безуспешно пытаясь вернуть шляпке ее первоначальную форму. – Кто учил вас падать сверху на крыс и мять им шляпки? Ужасно, ужасно. Вам следует следить за своими манерами.

– Я не хотела, – сказала Лиза. – Я путешествую.

– Великолепно, – фыркнула Крыса.

Она напялила смятую шляпку поверх своего жуткого парика и стала выглядеть еще страшнее, чем раньше, – Лиза даже невольно попятилась.

– Ну, ну, не нужно шарахаться от меня, – произнесла Крыса. – Я вас не съем.

Лизе стало не по себе. По правде сказать, она и не думала о том, что эта модница может ее съесть до тех пор, пока Крыса сама не сказала, что не собирается этого делать. Теперь же она представила, каково это – быть съеденной Крысой, и ее затошнило.

– Я не боюсь, – проговорила Лиза, хотя ее голос предательски задрожал.

– Не бойтесь? – обрадованно ответила Крыса. – О, превосходно. Просто замечательно. Если бы вы знали, как я ненавижу, когда при виде меня люди начинают визжать, бегать, хватать щетки... Щетки! – Она остановилась, уставилась на Лизу и озабоченно спросила: – Вы, надеюсь, не собираетесь тыкать в меня своей щеткой?

– Н-нет, – неуверенно выдавила девочка, которую вопрос Крысы застал врасплох.

– И бить меня по голове не станете?

– Разумеется, нет, – ответила Лиза.

– И тыкать ручкой щетки мне в глаз не будете? И щетинками в нос?

– Нет, нет и нет, – сказала Лиза, чувствуя обиду. – Ничего этого никогда не будет.

Казалось, обещание Лизы успокоило Крысу.

– В таком случае, я полагаю, вы можете получить ее назад, – произнесла она, на редкость изящно нагнулась вперед, подняла с земли щетку и протянула ее девочке своей рукой – или лапой, если кому-то так больше нравится, – через которую был переброшен хвост.

– А теперь позвольте получше рассмотреть вас. – Крыса вновь нагнулась вперед и подняла с земли пластиковую коробку для завтраков, которую, очевидно, несла с собой, когда на нее сверху свалилась Лиза. Порывшись в коробке, Крыса выудила из нее очки и чопорно нацепила их себе на нос. Толстые линзы сделали глаза Крысы огромными, каждый глаз – размером с теннисный мяч.

Рассмотрев очки, Лиза ахнула и спросила:

– Где вы их взяли?

Она сразу узнала эти очки в металлической оправе, обмотанной клейкой лентой в том месте, где она касалась переносицы.

– Они были у меня всегда, – ответила Крыса и моментально смахнула очки со своего носа.

– Не всегда, – возразила Лиза, протянула руку и вырвала очки из крысиной лапы. – Это очки моего отца. Он читает в них.

– Говорю вам, они мои! – резко проговорила Крыса.

Но Лиза уже успела заметить в коробке Крысы еще один знакомый предмет и схватила его.

– Это носок Патрика! – крикнула она, вытаскивая носок, который стал причиной всех ее напастей – синий, с черепахами. – А еще здесь моя пропавшая домашняя работа по математике! И бейсбольный мяч Патрика!

Лиза завернула отцовские очки в носок и засунула в правый карман своего жилета, надетого поверх рубашки с длинными рукавами. Бейсбольный мяч отправился в левый карман пижамных штанишек и плотно прижался к ноге Лизы. А домашнюю работу она оставила в коробке для завтраков – вряд ли мистер Тоддл поверит, что ее украла Крыса. Хотя остальные вещи Лиза опознать не смогла – в коробке оставалось еще несколько носков, ржа-

вый ключ, солонка с дырочками и красная заколка для волос, – она готова была поклясться, что они тоже украдены из оставшегося наверху мира.

– Вы украли все это.

Крыса опять нагнулась и резко притянула коробку к себе. Затем защелкнула на ней замок и выпрямилась.

– Я ничего такого не делала! – возмущенно заявила Крыса. – Все эти вещи я купила у троглодов.

– У кого? – переспросила Лиза.

– У троглодов. – Крыса помолчала, уставившись на Лизу. – Только не говорите мне, что никогда не слышали о рынке троглодов.

Девочка отрицательно покачала головой.

– О, мое дорогое дитя! – воскликнула Крыса. – Откуда вы свалились? Рынок здесь рядом, за углом. Уже поздно, конечно, но парой вещичек еще, наверное, можно разжиться. Пойдемте со мной, я покажу.

Крыса засуетилась, ей, по-видимому, уже не терпелось отправиться на этот рынок.

– Нет! – громко воскликнула Лиза. Крыса остановилась и вопрошающе посмотрела на нее. – Я... У меня нет времени.

Девочка прикрыла глаза и представила себе вымазанное шоколадом лицо Патрика, его испачканные травой коленки, дырку между передними нижними зубами.

Крыса снова подошла ближе к Лизе.

– Что-то не так? – спросила она, почувствовав перемену в ее настроении.

– Да, – призналась Лиза. – И даже очень не так. Видите ли, я ищу своего брата. Точнее... Я ищу душу моего брата. Я хотела сказать...

Девочка глубоко вздохнула. Ей трудно было подобрать нужные слова, особенно если учесть, что она разговаривала сейчас с Крысой в парике и бумажной шляпке. Однако выбора у нее не было, нужно было объясниться.

– Я хочу сказать, что ищу гнезда прядильщиков.

Крыса громко взвизгнула, прыгнула вперед и зажала рот Лизы своей мохнатой лапой.

– Тсс, – прошипела она. – Вам нужно быть осторожнее. Впредь всегда хорошенько подумайте, прежде чем произнести их имя здесь, Внизу.

Лиза отпрянула назад, сплевывая попавшие в рот шерстинки, вкус и запах которых почему-то живо напомнил ей о мясном пироге тетюшки Вирджинии.

– Вы знаете о прядильщиках? – тихо спросила девочка.

Нервно перебирая свой хвост двумя лапами, Крыса несколько раз оглянулась по сторонам и только после этого ответила:

– Разумеется, я знаю о них. Кто о них не знает? – Она внимательно посмотрела на Лизу, а затем, приняв, очевидно, решение, приблизила свою морду вплотную к ее лицу, касаясь его усами.

– Трудные сейчас времена, – тревожным тоном заговорила Крыса, сверля Лизу черными глазками. – Группировки и шпионы. Шпионы и прядильщики – повсюду, повсюду.

Лиза почувствовала, как у нее по спине пробежал холодок.

– Прошу вас, – произнесла она. – Скажите, вам известно, где находятся гнезда прядильщиков?

Крыса снова взвизгнула, услышав слово «прядильщики». Затем отрицательно покачала головой. Потом утвердительно кивнула. После вновь отрицательно затрясла головой, а потом это движение перешло в медленный утвердительный кивок.

– Ну, так что же? – воскликнула Лиза, постоянно помня о том, как стремительно улетают прочь драгоценные секунды и минуты. – Да или нет?

Крыса открыла рот, собираясь заговорить, но тут же захлопнула его. Затем выпучила глаза, раздула щеки и наконец выпалила:

– Да! Я знаю, знаю! – Вне себя от волнения, Крыса вытащила маленькую пудреницу и принялась яростно пудрить свое лицо. Или морду, если хотите. – Глупая я, глупая Крыса, – бормотала она. – Совсем мозгов у меня нет. Вечно влипаю в какие-нибудь неприятности. – Тут Крыса замотала головой и быстро стала повторять: – Нет, нет. О, нет-нет-нет.

К этому времени вся ее голова была окутана облаком пудры, которая разлеталась во все стороны, словно крошечные снежинки.

– Пожалуйста, – с отчаянием в голосе попросила Лиза. – Я сделаю для вас все, что угодно.

Крыса резко перестала пудриться, заинтересованно взглянула на свою собеседницу, и Лиза заметила появившийся на секунду в крысиных глазах алчный блеск.

– Все, что угодно? – переспросила Крыса.

Лизу внезапно охватил страх, не дававший ей говорить, поэтому она молча перекрестила себе сердце – именно так всегда делали они с Патриком, когда клялись в чем-то друг другу.

Крыса помолчала еще немного и наконец сказала:

– Хорошо. Я отведу вас туда.

Затем она стремительно повернулась и поспешила вперед.

Глава 5

Рынок троглодов

У Лизы еще не было времени, чтобы обратить внимание на странности мира, в который она свалилась. Сейчас она рассмотрела, что каменный пол, на котором она стоит, аккуратно врезан в широкую ровную тропинку и покрыт разноцветными указательными знаками.

Несколько раз на нем большими буквами повторялась надпись: «Это дорога к рынку!» Надпись буквально кричала, звала, окруженная несколькими огромными стрелками, указывающими дорогу.

Теперь Лиза увидела, что вдоль тропинки расставлены и другие камни с надписями.

Любопытные это были надписи: «Зевакам налево, покупателям направо», «Кусаться, лягаться, торговаться и жалить запрещается». Еще одна надпись была нанесена зловещей черной краской: «Воры, карманники и мошенники должны предстать перед судьей во Дворе Камней».

– Это дорога к гнездам прядильщиков, да? – с волнением спросила Лиза, едва поспевая за спешащей Крысой.

– Тсс... – Та резко обернулась, едва не задев Лизино лицо своим хвостом. – Помните, я просила вас быть осторожнее с этим именем?

– Простите. – Девочка отступила на шаг назад, встревоженная реакцией Крысы. – Просто я хотела убедиться, что...

– Попасть к гнездам можно только через рынок, – оборвала ее Крыса, затем повернулась и вновь припустила вперед.

Вдоль дороги группами стояли дома – таких странных домов Лиза еще никогда не видела. Она понимала, что это дома, потому что у них есть двери и дымовые трубы, но при этом ни один дом не был выше ее плеча, а сами они были построены из самых разных материалов – птичьих клеток, суповых кастрюль, хлебниц, консервных банок. Все они были сплюснены, скручены и слеплены друг с другом.

Лизу тронуло то, с какой любовью относились к своим жилищам их обитатели.

Перед одним домиком был расстелен коврик для ног, перед другим стояла цветочная ваза размером почти с входную дверь домика, и из этой вазы торчал огромный красный цветок. Многие дома были оклеены обрывками разноцветной бумаги, и от этого казались невиданными зверьками в ярких пятнистых шкурках.

– Кто здесь живет? – удивленно спросила Лиза.

– А вы как думаете? Троглоды, разумеется. Ну, вот мы и пришли. Рынок троглодов. Конечно, все самые лучшие вещи успели уже расхватать, но кое-что, я думаю, еще осталось, осталось...

Они завернули за угол и неожиданно оказались на большой площади. При виде нее у Лизы закружилась голова – точно так же, как во время падения из подвала сюда, Вниз.

Площадь накрывал высокий каменный потолок, напоминавший массивную арку собора. Стены вокруг площади были увиты красным блестящим плющом, на котором висели зажженные фонарики, мерцавшие, словно далекие звезды, и заполнявшие площадь своим мягким белым светом.

В центре стоял каменный фонтан. Лизе сложно было понять, что могут изображать украшающие его фигуры. Они напоминали обхвативших друг друга животных, правда, сказать этого наверняка Лиза не могла, потому что с годами камень, из которого они были высечены, местами раскрошился, и поэтому очертания фигур стали размытыми. Впрочем,

в одном месте совершенно четко можно было рассмотреть голову бобра, а под ней – голову крысы.

На самом верху фонтана была установлена вырезанная из того же камня фигура, напоминавшая помесь птицы с бабочкой. Из широко раскрытого рта – или клюва – этой фигуры изящной дугой лилась струя воды, падавшая вниз, в большой каменный бассейн фонтана.

Вся рыночная площадь была забита разного вида палатками и киосками, сделанными, как и домики у дороги, из самых разных материалов, и тоже оклеенными обрывками разноцветной бумаги.

Но не от этих чудес у Лизы закружилась голова, не от них.

Просторная площадь была забита камнями, и все эти камни... двигались!

Лиза поморгала, присмотрелась внимательнее. Нет, это были не камни, а маленькие, кругленькие, похожие по форме на камни существа с морщинистыми коричнево-серыми шкурками, похожими на сосновые шишки ручками и ножками, большими моргающими черными глазами и отвислыми носами, напоминающими печенье на костре картофелины. Этих существ здесь были сотни, причем многие из них тащили с собой проволочные корзинки, холщовые мешки или корзинки для завтраков размером почти с себя – это были их самодельные тележки для товаров.

Похожие на камни существа толкались, толпились, перекликались друг с другом, наполняя площадь звуками своих голосов, от низких, как рычание, до высоких, как флейта. Шум на площади стоял такой громкий, что Лизе захотелось заткнуть уши.

– Троглоды, – сказала она.

Крыса поправила на голове помятую бумажную шляпку и кивнула.

– Совершенно верно, троглоды, – с важным видом подтвердила она. – И запомните правило: «Никогда не пытайся обмануть троглода». Это все равно что голыми руками угря ловить. А теперь идите за мной, идите за мной. Сюда, сюда, пожалуйста.

Идя вслед за Крысой по рыночной площади, Лиза обнаружила, что клочки цветной бумаги, которыми оклеены палатки, были, на самом деле, вывесками. «Носки по пять красных!» было написано на одной. На другой – «Новые колпачки от ручек. Три за желтую!». Кроме того, до Лизы долетали обрывки странных фраз:

– Возмутительно! На прошлой неделе ключ отдавали за одну зеленую, а сегодня уже требуют синюю!

– Консервные банки по дешевке! Две банки за две красных!

– Не пытайтесь мне доказать, что у этого носка нет дырки на пятке! Вы что, за дурака меня принимаете?

– Что это за цветные бумажки? – спросила Лиза. Несмотря на все обстоятельства, она не могла побороть свое любопытство. Повсюду троглоды обменивались маленькими клочками цветных бумажек – красными, синими, зелеными, желтыми. Некоторые бумажки, как показалось Лизе, были вырезаны из конфетных фантиков или поздравительных открыток, другие напоминали клочки оберточной бумаги.

Крыса замедлила шаги и удивленно посмотрела на Лизу.

– Вы же не думаете, полагаю, что на рынке все вам отдадут бесплатно? – сказала она, покачивая головой. – Правда, лично я никогда не понимала, почему все у вас там, Наверху, так любят зеленые бумажки. Мне всегда больше нравились розовые. Конечно, это очень редкие бумажки... доставать их сложно... но они очень, очень ценятся... за пять-шесть розовых троглод может даже свой дом продать...

– Но... – Лиза хотела напомнить, что в ее мире люди используют настоящие деньги, а не какие-то фантики, но подумала о том, что все равно не сможет объяснить, в чем разница между деньгами и клочками бумаги, и потому ничего не стала говорить.

– Покупайте крышечки от бутылок! Покупайте крышечки от бутылок! Всего за две красных!

– Батарейки! И использованные батарейки! Только у нас! Лучшие на всем рынке!

Пока Лиза и Крыса шли по рынку, некоторые троглоды окидывали их удивленными взглядами, но большинство из них продолжали заниматься своим делом – толкались возле палаток, приценивались, торговались. А чего только не увидела Лиза в этих палатках! Они были буквально забиты маленькими вещицами, которые люди считают потерянными – носками, старыми ключами, тюбиками губной помады, солнечными очками, почтовыми уведомлениями, пачками жевательной резинки...

Лиза вспомнила, как ее отец однажды сказал: «Очки не могут вот так взять и убежать сами по себе». И он был прав. Очки не убегают, их уносят с собой троглоды.

Лиза даже вздрогнула, представив себе, что множество таинственно пропавших за последние годы вещей – лист с наклейками бабочек, которые она собирала во втором классе, ее любимая хрустальная заколка для волос, доставшийся ей от бабушки медальон, – все это окончило свой путь здесь, на рынке троглодов.

Кроме того, она вспомнила, что ей уже доводилось видеть троглода. Это его коричнево-серая шкурка промелькнула тогда под кустами возле их дома.

– Всего лишь на прошлой неделе я видела троглода на нашем дворе, – выпалила Лиза. Сейчас они с Крысой подошли к концу рынка, и здесь стало немного тише. – А я подумала, что это гном.

Крыса залилась звонким смехом, словно услышала что-то очень забавное, и хохотала долго-долго, а затем промокнула кончики заслезившихся глаз своим носовым платком и сказала:

– Гном! Потрясающе!

– А что... разве гномы не существуют? – спросила Лиза.

– Ну, почему же, еще как существуют, – ответила Крыса, пристально посмотрев на Лизу. – Но кто когда-нибудь слышал о том, чтобы у нас жили гномы? Это северные существа. Южнее одиннадцатой параллели ни один гном жить не может, умрет от жары.

Лиза почувствовала, как у нее потеплело внутри. Значит, Анна была права, когда говорила, что гномы любят холодный климат.

Но это означает и то, что верны и все ее слова относительно прядильщиков. От этой мысли в животе Лизы вновь похолодело.

Она вспомнила, как спросила у Анны, зачем прядильщики крадут души людей, и как при этом побледнело лицо Анны, какими испуганными стали ее глаза. Как грустно и безнадежно махнула она рукой, так ничего и не ответив Лизе.

Крыса, как всегда, почувствовала перемену в настроении девочки и сказала:

– Пойдем.

И они двинулись дальше.

Лиза засунула руку в карман и сжала лежавший в нем бейсбольный мяч. Пусть она сейчас была не Наверху, пусть перед ней не было соснового деревца, но не загадать желание Лиза просто не могла.

Она зажмурилась и сильно – очень сильно – подумала:

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Пусть мне удастся спасти Патрика вовремя».

Глава 6

Фонарщики

Покинув рынок, они вскоре оказались в густом лесу. Все деревья здесь были покрыты слоями густого зеленого мха и поэтому казались обернутыми в пушистые одеяла. В воздухе пахло сырой землей, а среди деревьев порхали огромные разноцветные бабочки. Тропинка под ногами была чистой, хорошо утопанной – видно было, что по ней часто ходят. Над головами Лизы и Крысы светились все те же неяркие мерцающие фонарики, висевшие на обвитых лозами и покрытых мхом ветках – эти ветки напоминали девочке длинные, тесно сплетенные друг с другом и обтянутые зелеными перчатками пальцы.

Как случилось уже не раз, Крыса неожиданно остановилась, вытащила из коробки для завтраков треснувшее карманное зеркальце и уставилась на свое отражение, заставив Лизу пританцовывать от нетерпения.

Затем Крыса вытянула тюбик губной помады и принялась подкрашивать себе губы, шепча при этом:

– Теперь еще немножко помады...

Закончив красить губы, Крыса вытащила из коробки маленькую пудреницу – Лиза готова была поклясться, что именно эту пудреницу ее мать потеряла несколько недель назад, – припудрила свою мордочку и стала похожей... пожалуй, на обсыпанную снегом крысу с накрашенными губами.

С каждой минутой Лизе становилось все труднее сдерживать нетерпение. Наконец она не выдержала и сказала:

– Простите. Не хочу показаться вам невежливой, но... все же...

Крыса вопросительно посмотрела на нее, ее глаза на фоне напудренного носа стали казаться еще темнее.

– Я хочу сказать, что все это вряд ли столь необходимо, когда у нас такое неотложное дело... – нерешительно произнесла Лиза, растерявшись под пристальным взглядом Крысы.

– Что вам кажется не столь необходимым? – холодно спросила Крыса.

– Ну... вот это, – ответила Лиза, беспомощно шевеля пальцами.

– Ваши слова имеют отношение к моему внешнему виду? – с явным раздражением в голосе осведомилась Крыса.

– Я просто... но ведь это как-то неестественно, вы не находите? – несвязно пробормотала Лиза.

Она поняла, что Крыса обиделась. Сильно обиделась.

– Естественно, неестественно! – взорвалась Крыса, выпрямляясь во весь свой рост. От неожиданности Лиза отшатнулась, а с тропинки вспорхнули испуганные громким голосом бабочки. – Позвольте спросить, маленькая мисс, что вы знаете о том, что естественно, а что нет? По-вашему, естественно заставлять нас, крыс, шнырять по углам, таиться в потемках, добывать себе еду из ваших мусорных баков?

– Но...

– Это естественно, когда люди швыряют в нас своими ботинками, ставят крысоловки или пытаются прищемить нам хвост?

– Я... я полагаю, что нет...

– Это естественно, – продолжала громыхать Крыса, все больше распаляясь и покачиваясь вперед и назад от ярости, – когда одних любят, нежат, обнимают, а других ненавидят, бьют, охотятся за ними – и все только из-за разницы в цвете шкуры, длине хвоста и усов? Это естественно, я вас спрашиваю?

– Простите, – сказала Лиза, отчаянно желая поскорей успокоить Крысу. Ведь нужно было идти дальше, и девочке меньше всего хотелось, чтобы Крыса бросила ее одну.

– Я просто хотела сказать... ну, понимаете... я никогда раньше не видела одетых и подкрашенных крыс.

– Вот как? Правда? А когда, позвольте спросить, вы вообще в последний раз изволили смотреть на крысу? – Теперь, и это было тревожно, глаза Крысы начали наполняться слезами. Слезы – это может оказаться надолго. Крыса вытащила из своей коробки белый носовой платок и принялась промокать глаза, но платок оказался бесполезен – по щекам Крысы потекли подкрашенные тушью слезы, от чего ее вид стал еще более удивительным и нелепым. – Когда в последний раз вы изволили заговорить с крысой вместо того, чтобы визжать, ронять стулья или тыкать в нее своей ужасной щеткой?

Крыса в последний раз всхлипнула, развернулась и отправилась прочь.

– Эй! – окликнула ее Лиза. Теперь уже она чувствовала себя обиженной. – Это же не моя вина. До сегодняшнего дня крысы еще ни разу не разговаривали со мной.

– А почему они должны были с вами разговаривать? – сварливо спросила Крыса, обращаясь назад, к Лизе. – И вообще, зачем им приближаться к вам, если вы только и знаете, что тыкать в них своими проклятыми щетками?

– Это просто смешно, – огрызнулась Лиза, полностью потеряв терпение. – Лично я никогда не тыкала в крыс щеткой, ни разу в жизни.

– Но подумывали о том, чтобы ткнуть?

– Никогда.

– Ни разу?

– Ни разу.

– Ни секунточку об этом не думали?

– Ни полсекундочки! – крикнула Лиза, крепче сжимая в своих руках щетку.

– Ага! – торжествующе воскликнула Крыса. – А вот сейчас подумали о том, чтобы ткнуть в меня щеткой!

– Хорошо! – выпалила Лиза. – Хорошо. Да, я могу ударить вас щеткой по голове, могу ткнуть в глаз, но только потому, что вы – самая дрянная, самая несносная крыса, которую я когда-либо встречала за всю свою жизнь!

В этот миг все фонарики разом погасли, и Лиза с Крысой оказались в полной темноте.

Раздражение девочки моментально сменилось страхом.

– Что случилось? – крикнула она. – Что происходит?

– А то происходит, что вы расстроили фонариков.

– Кого? – переспросила Лиза. Она не то чтобы сильно боялась темноты, просто в такой непроглядной тьме оказалась впервые в жизни. Она не видела ничего – ни своей, поднесенной к самому лицу руки, ни очертаний Крысы, которая, как прекрасно помнила Лиза, стояла всего в какой-нибудь паре шагов от нее.

– Фонариков. Тех, кто зажигает фонарики. Они очень чувствительные и не любят, когда рядом с ними кричат и ссорятся, – вздохнула Крыса. – Полагаю, нам нужно попросить у них прощения. Без света нам никуда, особенно с вашими ни на что не годными глазами.

– Почему это ни на что не годными? – обиделась Лиза.

– Сколько ногтей я сейчас разогнула? – спросила Крыса.

Разумеется, этого девочка не знала. Она сильнее сжала в руке щетку и промолчала.

– Ну вот, я же говорила, – хихикнула Крыса. – У всех людей глаза никуда не годятся. Вы видите только то, что хотите увидеть, и ничего больше. А разве зрение служит для этого?

Лиза подумала о том, не сказать ли ей, что еще тридцать секунд назад она видела перед собой гигантскую крысу в юбочке из газетной бумаги, и очень рада, что больше не видит ее.

Но Лизе необходима была помощь Крысы, а эти слова окончательно приведут ее в бешенство. Так что девочка сочла за лучшее не давать воли своим чувствам и промолчать.

– Однако здесь действительно темновато, пожалуй, – веселым тоном воскликнула Крыса и продолжила, обращаясь к невидимым в темноте фонащикам: – Будьте добры, нельзя ли немного прибавить света? Обещаю, мы будем вести себя тихо, как церковная мышь и школьница-отличница. – Затем Крыса тихо прошептала Лизе: – Правда, я не уверена, что церковные мыши очень тихо себя ведут. Про них ходят такие ужасные слухи...

Какое-то время Лиза и Крыса стояли молча, затем Лиза спросила:

– Ну, и что дальше?

– Я же вам говорила – ужасно чувствительные существа эти фонащики. Сейчас попробую обратиться к ним по всем правилам.

Крыса прокашлялась и торжественно заголосила.

– О, Светоносные, укажите путникам дорогу, озарите весь Подземный мир! – И добавила вполголоса: – Всегда плюнуть хочется, когда повторяю эту чушь.

Неожиданно фонарики вновь замерцали, и Лиза облегченно выдохнула. Оказывается, все это время она стояла, затаив дыхание.

– Так лучше? – спросила Крыса, следя за девочкой своими черными глазами.

– Намного лучше, – согласилась та.

Крыса вновь заговорила, и опять шепотом:

– Глупое, конечно, заклинание, но полезное. Весьма полезное.

– А кто они? – спросила Лиза. Она была уверена, что Крыса до сих пор пребывает в расстроенных чувствах, хотя и старается держаться дружелюбно.

– Кто, кто, – моргнула Крыса. – Фонарики, разумеется. Те, кто зажигает фонарики.

И она махнула лапой в направлении загоревшихся над их головами огоньков.

Теперь Лиза впервые заметила на доньшке каждого фонарика прилепившееся к нему маленькое, мерцающее бледным светом существо.

– О! – восхищенно воскликнула она, поняв, что эти существа и являются источником света. – Светлячки!

Огоньки угрожающе замигали.

– Тсс! – прошипела Крыса. – Их можно называть только так, как принято – фонарики. Они очень болезненно реагируют на то, как к ним обращаются.

– Я не знала, что светля... что фонарики вообще чувствительны к чему-либо. – Лиза приподнялась на носки, чтобы получше рассмотреть фонариков. – Вообще-то, светлячок не кажется чувствительным или способным обижаться – так, маленький мерцающий комочек, на вид равнодушный ко всему на свете.

– Широко распространенное заблуждение, – фыркнула Крыса. – Многие считают фонариков бесчувственными, но на самом деле, поверьте мне, они очень, даже слишком чувствительны. Впрочем, как все гении.

– Гении? – недоуменно переспросила Лиза, продолжая смотреть на светящееся существо.

– Таланты, гении, художники! Фонарики – одни из самых тонко чувствующих, самых ярких, самых мудрых созданий на Земле и внутри нее. В голове одного фонарика больше мудрости и знаний, чем во всех библиотеках мира!

Лиза сдержалась и не стала говорить о том, что у светлячков вообще нет головы. Впрочем, она не знала, влияет ли это каким-то образом на их способность мыслить – если они, конечно, обладают такой способностью.

– Ах, если бы они могли говорить, – продолжила Крыса, и Лиза с тревогой заметила, что у нее на глазах вновь заблестели слезы. – Сколько тайн они могли бы раскрыть нам!

Какой мудростью могли бы осчастливить! Какие истории поведать! Мудрость – вот источник их света. Точнее, избыток мудрости.

И Крыса восторженно покачала головой.

А Лизина голова шла кругом, девочка уже не знала, чему ей верить. С одной стороны, ей казалось невероятным, чтобы эти маленькие уродливые червячки умели думать и чувствовать. С другой стороны, сейчас она стоит под землей и разговаривает с накрашенной крысой в бумажной юбочке – это тоже невероятно, и вряд ли кто сможет такому поверить.

Впереди открывался вход в туннель, и девочка сделала несколько шагов, пригибая голову, чтобы не касаться низко располагающихся замшелых веток и не задеть висящие на них фонарики.

Теперь, увидев фонарики вблизи, Лиза обнаружила, что внутри каждого фонарика сидит еще один светлячок – маленький, не больше состриженного с мизинца ногтя. Сидит и пульсирует, мерцая бледным светом.

– Сколько же их здесь? – спросила Лиза. – И как далеко они будут освещать нам дорогу?

– Сколько их? Не знаю, право. Много. Тысячи тысяч. И помните, их всегда можно попросить зажечь свет. Туннели, куда мы отправляемся, извилистые, с боковыми ответвлениями, в них легко затеряться. Но фонарики с радостью осветят дорогу, они знают все входы и выходы. А как далеко они будут освещать нам дорогу? Да почти до самого конца.

– А куда ведет этот самый «почти конец дороги»? – сказала Лиза, которую начинала утомлять бесконечная крысиная болтовня.

– К гнездам прядильщиков, куда же еще? – ответила Крыса, понизив голос до шепота на слове «прядильщики». Она прошла под низко висящим фонариком, и в этот миг ее глаза на мгновение вспыхнули странным фиолетовым светом. – А теперь вперед, путь нам предстоит долгий. Но я надеюсь, мы успеем сходить туда и вернуться обратно еще до начала Большого Пира.

– Большого Пира? – переспросила Лиза, и сердце замерло у нее в груди. – Какого еще Пира?

Крыса нервно оглянулась по сторонам и только после этого ответила:

– Пира, на котором прядильщики поедают души. Уверена, что вы слышали...

У Лизы все оледенело от страха, даже голос, поэтому она смогла лишь отрицательно покачать головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.